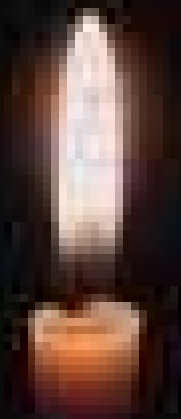

Примерный
Михаил Ардов

Помощь
ИСТИНЫ

Михаил Ардов

Прописные истины

РУССКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ РЕНЕССАНС И ПЕРЕДОВОЕ СОВЕТСКОЕ МОНАШЕСТВО

(горестные заметки)

Как-то раз спросили у японцев, которых в свое время просвещал Святитель Николай (Касаткин), отчего они избрали именно православную веру. Ответ был примерно таков:

— К нам приходили христиане разных конфессий и предлагали свое учение. Прежде всего пришли те, кто говорил: «Вот мы теперь верим в это и в то. Но в дальнейшем мы можем к этому что-то прибавить». (Это были римские католики, которые время от времени изобретают новые догматы.) Затем приходили такие, кто нам говорил: «Мы теперь верим в это и в то, но впоследствии можем кое-что и отменить». (Это были протестанты, которые подвергают сомнению решительно все постулаты.) И, наконец, к нам пришли христиане, которые заявили: «Вот наше учение. Мы сохраним его в течение долгих столетий. И тут ничего не прибавится и ничего не убавится — вовеки вечные». Это были православные, и такая вера пришлась нам по душе.

Но вот всплывает в памяти совсем иная история. Лет двадцать тому назад близкий мне человек, архиепископ Киприан (Зернов) случайно встретился с несколькими священнослужителями из старообрядцев.

— Они мне говорят: какие же вы теперь православные? — рассказывал Владыка Киприан, — Вы «Журнал Московской Патриархии» читаете? Разве это православный журнал?

— Ну и что вы им на это сказали? — спросил я его.

— Ничего я им не сказал, — печально отвечал архиерей, — что я мог на это сказать? Они же совершенно правы...

Что греха таить, в те годы «Журнал Московской Патриархии» производил впечатление жутчайшее. Самая пространная его часть посвящалась гадкой и крикливой «борьбе за мир» (т. е. за всемирное большевистское владычество), призывам к тому, чтобы все недруги СССР немедленно разоружились. Еще один крайне политизированный отдел журнала носил название «Экуменические контакты». Разумеется, и то, и другое было обильно снабжено «богословием освобождения», лукавым учением о том, будто бы между коммунизмом и Христианством нет и не может быть противоречий. И от всего этого за версту несло Лубянской и Старой площадью.

Собственно Православие было представлено в тогдашнем журнале лишь немногочисленными выдержками из творений Святых Отцов и иллюстративным материалом — изображениями церквей и фотографическими портретами почивших деревенских батюшек (раздел «Вечная память»).

Самая выразительная и приметная фигура среди московских иерархов тех лет — Митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов). Человек сильного ума и замечательных способностей, он составил целую эпоху в истории Патриархии.

Один из архиереев, который довольно близко знал Владыку Никодима, в свое время сказал мне:

— Злые языки о нем говорят: он начинал как строго православный, потом стал завзятым экуменистом, а кончил жизнь как ревностный католик...

От себя добавлю: мне приходилось говорить об этом с католиками. Они отзывались о смерти Митрополита Никодима с восторгом. Еще бы! О такой кончине любой из них мог бы только мечтать — на аудиенции в Ватикане, чуть ли не на руках у самого Папы!

Существует письменный памятник католических пристрастий Митрополита Никодима — его докторская диссертация. Ее в свое время широко рекламировали в церковной печати, это была пространная работа о личности Папы Иоанна XXIII.

Помнится, меня и моих друзей возмутила и покорила самая первая фраза этого сочинения. Православный иерарх ничтоже сумняшеся начертал:

«Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн».

(Смотри Евангелие от Иоанна, гл. I, ст. 6.)

Я и по сию пору затрудняюсь решить, чего тут больше цинизма, кощунства, желания угодить Ватикану или графоманской претенциозности...

Православный...

Экуменист...

Католик...

Подобные метаморфозы за всю историю Русской Церкви претерпевал, пожалуй, лишь еще один архиерей. Я имею в виду личность не менее колоритную и знаменитую, нежели Митрополит Никодим, — архиепископа Феофана (Прокоповича).

Будучи рожден на Православной Украине, в Риме он перешел в католичество, к иезуитам, затем по возвращении в Киев опять стал православным, снискал у Петра I архиерейский сан, а под конец жизни стал покровителем и другом протестантов...

Вернемся, однако же, к той триаде, которую весьма условно можно назвать «духовным путем» Митрополита Никодима:

Православный.

Экуменист.

Католик.

На эту своеобразную эволюцию можно взглянуть и с иной точки зрения как на политическую карьеру. Не станем забывать, во времена советские Митрополит Ленинградский и Новгородский, да еще и председатель «отдела внешних церковных сношений» Патриархии (т. е. церковный министр иностранных дел), — это номенклатура ЦК КПСС.

Припоминается популярный в те годы анекдот. Вопрос в анкете:

«Были ли у вас колебания в проведении линии партии?» Ответ: «Колебался вместе с линией».

Эпицентр «колебаний» этой «линии», как известно, находился в Москве, в здании ЦК на Старой площади. Толчки прежде всего ощущались по соседству, на Лубянке, а потом уже доходили и до Чистого переулка, где и по сию пору стоит здание Московской патриархии.

Православный период (начало карьеры) будущего Митрополита Никодима совпадает с временем «холодной войны», когда сталинский «железный занавес» был почти непроницаем. Разумеется, в те годы никаких контактов с западными христианами у Московской Патриархии не было и быть не могло, а посему рекомендовалось осуждать распространяющийся в протестантском мире экуменизм и всегдашние притязания Папы Римского на главенство в христианском мире.

Весьма показательным в этом отношении было созданное с разрешения властей летом 1948 года «Совещание глав и представителей автокефальных православных церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви». Если ознакомиться с двухтомником «Деяний» этой конференции, создается впечатление, будто можно в какой-то мере сочетать несочетаемое, т. е., пользуясь терминологией из «декларации» Митрополита Сергия (Страгородского), быть одновременно «верными гражданами Советского Союза» и «ревностными приверженцами православия, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматическими преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом».

Но вот наступил незабываемый 1953-й — год, ознаменовавшийся смертью одного из величайших преступников за всю историю человечества. 9 марта, в день похорон тирана патриарх Московский Алексей I начал свою траурную речь такими словами:

— Великого вождя нашего народа Иосифа Виссарионовича Сталина не стало. Упразднилась сила великая, нравственная, общественная; сила, в которой народ наш ощущал собственную силу, которою он руководил в своих созидательных трудах и предприятиях, которой он утешался в течение многих лет...

Как известно, с «упразднением» этой «нравственной силы» в мире много изменилось. Подтаяли «льды холодной войны», стал по временам приподниматься «железный занавес». И вот уже преемник Сталина — Хрущев провозгласил новую политику СССР, «мирное сосуществование с Западом».

Тогда-то идеологи со Старой площади решили поставить новые задачи перед обитателями Чистого переулка. О том, каким образом это происходило и к каким результатам привело, повествуется в любопытнейшем докладе священника Сергия Гордуна «Русская Православная Церковь при Святейших патриархах Сергии и Алексии». (Мы делаем выписки из № 158 «Вестника РХД».)

«Парадоксально, что параллельно с сужением внутренней деятельности Церкви в шестидесятые годы резко активизируется ее внешняя деятельность. Толчком для ее активизации послужила беседа председателя Совета по делам РПЦ В. А. Куроедова с патриархом Алексием, состоявшаяся 15 июня 1960 г.» Куроедов заявил, что им детально изучалась внешняя работа Патриархии, и он пришел к выводу, что она поставлена совершенно неудовлетворительно. «Патриархия за последние годы не провела ни одного крупного мероприятия по объединению Православных Церквей вокруг Русской Православной Церкви, возглавляемой Московской Патриархией, мероприятий, связанных с разоблачением реакционных действий Папы Римского и усилением борьбы за мир. Патриархия не использует всех тех огромных возможностей, которыми она располагает; не проведено ни одной крупной акции за рубежом. <...> Русская Православная Церковь не выступает объединяющим центром Православных Церквей мира, в большинстве случаев она занимает пассивную оборону и слабо разоблачает клеветническую пропаганду о положении религии и Церкви в нашей стране. <...> Совет рекомендовал митр. Николаю разработать и дать

предложения об усилении внешней работы. Однако митр. Николай не выполнил эту просьбу Совета и представил предложения, которые ни в какой степени не отвечают тем требованиям, о которых шла речь с митрополитом по этому вопросу». Затем Куроедов предложил освободить митр. Николая от обязанностей председателя ОБЦС и возложить их на другое, более подходящее лицо.

<...> Патриарх предложил кандидатуру архимандрита Никодима (Ротова) в качестве преемника митр. Николая.

С личностью архим. Никодима (Ротова), впоследствии митрополита Ленинградского и Новгородского, связано изменение позиции Московской Патриархии по отношению к экуменическому движению. Как известно, Совещание глав и представителей автокефальных православных Церквей, состоявшееся в Москве в 1948 г., приняло резолюцию, в которой указывалось, что «целеустремления экуменического движения <...> не соответствуют идеалам христианства и задачам Церкви Христовой, как их понимает Православная Церковь». <...> Такой позиции придерживалась Московская патриархия до 1960 г.

<...> В записи беседы патриарха Алексия с В. А. Куроедовым, состоявшейся 15 сентября 1960 г., имеется такая фраза: «Патриарх принял рекомендацию Совета о вхождении Русской Православной Церкви в члены Всемирного Совета Церквей и расценил это как крупную акцию со стороны Русской Православной Церкви в ее деятельности за рубежом».

Вот по каким причинам и при каких обстоятельствах вполне до той поры «православный» архимандрит Никодим сделался завзятым экуменистом и снискал себе архиерейский сан.

Нетрудно вообразить себе и дальнейший ход событий. После того как представители Московской Патриархии вошли во Всемирный Совет Церквей и в значительной степени подчинили эту организацию своему влиянию, со Старой площади поступило еще одно указание. На этот раз приказали найти общий язык с Ватиканом, чтобы «нейтрализовать реакционные действия Римского Папы». Тем паче для подобной «акции за рубежом» пришло время — должен был открыться Второй Ватиканский собор.

Вот тогда-то новый «председатель отдела внешних церковных сношений» обратил свое особенное внимание на личность Папы Иоанна XXIII.

Тут надлежит заметить, что «акция» по сближению с Римом оказалась довольно длительной, но зато весьма успешной. Собор в Ватикане признал, что Восточные Церкви «обладают истинными таинствами», а «священный синод» в Чистом переулке принял беспрецедентное в истории Православной Церкви решение о возможности для католиков приобщаться Святых Тайн в наших храмах (1969).

Несколько лет назад, когда звезда последнего генсека КПСС Горбачева была в самом зените, в возобновленной Оптиной пустыни возникла и имела хождение замечательная шутка.

Вопрос:

— Какие слои общества наиболее вовлечены в «перестройку»? Ответ:

— Рабочий класс, колхозное крестьянство, трудовая интеллигенция и передовое советское монашество.

Феномен «передового советского монашества» еще ждет своего исследователя, но можно с полным основанием утверждать, что своим появлением в Русской Церкви этот тип иноков обязан именно Митрополиту Никодиму. Самыми характерными чертами «передовых советских монахов» и по сию пору является свободомыслие, широта взглядов, отсутствие «догматизма» и, главное, либеральное отношение к иноческим обетам, постам и прочим

церковным «формальностям».

В свое время эти жизнелюбивые «чернецы» постригались и формировались по большей части в двух прямо подведомственных Митрополиту заведений Ленинградской Духовной Академии и в иностранном отделе Патриархии.

Либерализм в ленинградской духовной школе, например, простирался до того, что тамошние преподаватели — игумены и иеромонахи — под рясами носили джинсы, а в перерывах между лекциями, почти не таясь от учащихся, курили импортные сигареты.

Что же касается того отряда «передовых советских монахов», которые трудились в иностранном отделе Патриархии, то на определенном этапе именно из них стали выбирать будущих епископов, а самый этот отдел превратился в некую кузницу архиереев. В шестидесятые и семидесятые годы подавляющее большинство иерархов было в прямом (в церковном) и в переносном смысле ставленниками Митрополита Никодима.

Увы! — именно «передовое советское монашество» и по сию пору составляет значительнейшую часть епископата Русской Церкви, и это обстоятельство необходимо учитывать всем, кто имеет дело с Московской Патриархией.

«Отдел внешних церковных сношений», насчитывающий великое множество сотрудников, возглавляется в наши дни любимым и лучшим учеником Митрополита Никодима, самым молодым и бесспорно самым умным из членов «священного синода» Митрополитом Кириллом (Гундяевым). Это и теперь главнейшая цитадель «передового советского монашества», которое по-прежнему представляет Московскую Патриархию на «международной арене». Мало того, эти люди то и дело выступают по российскому телевидению, их перьям принадлежат во множестве публикуемые в церковной и светской печати вкрадчивые «неосергианские» статьи, где проповедуется и экуменизм, и модернизм... Они не только оправдывают позорное прошлое Патриархии, но раболепство и угодничество перед безбожниками выдают за доблесть, возводят в некий экклезиологический догмат.

Я вовсе не хочу возвести хулу на весь Московский Патриархат, среди священнослужителей есть много (даже до удивления много, если учесть долгие годы гонений!), великое число искренних, благочестивых, вполне православных батюшек. Но ведь не они задают тон, их-то ведь никто кроме собственных прихожан не видит и не слышит, а «передовые советские монахи» на виду и на слуху у миллионов людей — и в России и за ее пределами.

Любой образованный человек, если он не чужд политики, отдает себе отчет в том, сколь грандиозным историческим событием было падение Российской Империи и возникновение на ее территории страшного большевистского СССР.

Но в мире христианском далеко не все осознают значение иной трагедии, того рокового обстоятельства, что самая многолюдная, самая обширная, самая стойкая в своем вероучении Российская Православная Церковь выродилась в беспомощную, беспринципную, раболепную Московскую Патриархию.

Большевики в свое время воздвигли на христиан такие чудовищные по жестокости и масштабам гонения, каких не знала ни античная, ни средневековая история. Но это лишь одна, внешняя, причина трагедии Русской Церкви, ибо преследования и гонения очищают христианство. Для того чтобы победа безбожников над той или иной Церковью могла осуществиться, необходима не только внешняя, но и внутренняя причина, нечто такое, что расслабляет христиан, удаляет их от благодатной помощи Божией.

Историки более или менее единодушны, когда речь заходит о причинах ослабления, а затем и крушения Российской Империи. Понятно, что в этом более всего повинны образованные люди, так называемая интеллигенция; она всегда находилась в оппозиции к правительству,

то бунтовала, то фрондировала, постоянно растлевала простой народ, словом, в течение целого столетия рубила тот самый сук, на котором сама же сидела и при том относительно благоденствовала.

Но вот попробуй кто-нибудь высказать мысль, что та же самая русская интеллигенция в той же самой мере, как в катастрофе государственной, повинна и в трагедии Русской Церкви. На дерзнувшего утверждать подобное обрушат свой гнев не только наши «западники» и «либералы», достанется даже от тех, кто мнит себя «славянофилами» и «почвенниками».

За последнее время в общественном сознании рухнули многие идолы, пало целое иллюзорное стадо, но по крайней мере одна из «священных коров» сохранилась. Имя ей — «русский религиозный ренессанс».

Совершенно очевидно, что, враждуя с Империей, сознательно разрушая ее, русская интеллигенция тем самым ослабляла и Православную Церковь, которая нравится это кому-то или не нравится — состояла в теснейшем союзе с государством, а сам Государь именовался и был «Хранителем веры».

При том с Империей интеллигенция боролась в открытую, а с Церковью не только враждовала, но порой и заигрывала, пыталась перетянуть на свою сторону — а эта тактика куда как опаснее.

И вот уже в начале нашего века некоторые представители богемы всерьез вознамерились приспособить Христианство к собственным своим вкусам и потребностям, исподволь заменить Православие иным учением, соединить то, что самой Библией объявляется несочетаемым, — любовь к Богу и любовь к миру.

Любимый ученик Господа Иисуса Евангелист Иоанн Богослов увещевает нас:

«Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего». (I Ин.2, 15–17)

Что как не гордость житейская звучит в словах одного из тогдашних интеллигентов — Д. В. Философова?

«Церковь требует отречения от любви к жизни и к людям, от любви к искусству, к знанию... а мы не хотим отречься от того, что хотим освятить».

И как это ни прискорбно, подобные мысли и стремления были сочувственно встречены некоторой частью духовенства.

Тут я решаюсь прибегнуть к свидетельству человека, которого уж никак не обвинишь ни в обскурантизме, ни даже в церковности, да и вообще он был начисто лишен каких бы то ни было определенных убеждений. Зато свидетель этот известен своей искренностью и предельной откровенностью — Василий Васильевич Розанов.

В ноябре 1907 года на заседании Санкт-Петербургского религиозно-философского общества он прочел доклад под названием: «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира». Розанов живо и достоверно передает самую атмосферу, царившую на тогдашних встречах интеллигенции с духовенством:

«В нынешних „Религиозно-философских собраниях“ поднимаются те же темы, которые волновали собою собрания 1902–1903 гг. Эти вопросы — о духе и плоти, „христианской общине“ и общественности в широком смысле; об отношении Церкви и искусства; брака и девства; Евангелия и язычества и проч. В блестящем докладе „Гоголь и отец Матвей“ Д. С.

Мережковский страстно поставил вопрос об отношении христианства к искусству, в частности об отношении, например, Православия к характеру гоголевского творчества. В противоположность отцу Матвею, известному духовнику Гоголя, он думает, что можно слушать и проповеди отца Матвея, и зачитываться „Ревизором“ и „Мертвыми душами“, от души смеясь тамошним персонажам. Пафос Мережковского по крайней мере заключался в идее совместимости Евангелия со всем, что так любил человек в своей многотысячелетней культуре. Ему охотно поддакивали батюшки, даже архиерей и все светские богословы, согласно кивавшие, что, „конечно Евангелие согласимо со всем высоким и благородным; что оно культурно“: а посему культура и Церковь, иерархи и писатели могут „гармонично“ сидеть за одним столом, вести приятные разговоры и пить один и тот же вкусный чай. Все было чрезвычайно приятно и в высшей степени успокоительно. <...>

Все, что говорили духовные лица на докладе Д. С. Мережковского, что, например, они „пошли бы в театр, если бы театр был лучше“, — уклончиво, словесно и вытекает из необходимости что-нибудь сказать, когда они явно не могут ничего сказать. <...>

Сколько я убедился, слушая здесь гг. духовных лиц, они не имеют вовсе, так сказать, метафизики христианства, не только верной, но никакой. Им христианство просто представляется добрым явлением. „Мы — добрые люди и не понимаем, чего вы от нас хотите“ — вот смысл всех ответов на светские недоумения. Когда раздаются некоторые упреки, они говорят: „Мы люди скромные и сознаемся“, и улыбка довольства почти увеличивается на их лице. С этой позиции добродетели их невозможно сбить, „решительно мы исповедуем самую добродетельную веру и сами — самые добродетельные люди, добродетельные до скромности, до сознания своих грехов, до высшей деликатности, к какой способен человек.“»

Что-то слышится родное, не так ли, дорогой читатель?

Не то же ли самое твердят на бесчисленных теперь симпозиумах, презентациях и премьерах приглашаемые туда «передовые советские монахи»?

Как только представилась возможность, они пошли и на эстраду, и в кино, и в театр, хотя сей последний за прошедшие десятилетия отнюдь не стал лучше, но докатился до крайних степеней разложения, непристойности и прямой порнографии...

И еще одна выразительнейшая деталь. Архиерей, который «вел приятные разговоры», «поддакивал», «пил вкусный чай» вместе с Мережковским и Розановым, да и председательствовал на этих сборищах, был не кто иной, как епископ Ямбургский Сергей (Страгородский), будущий Митрополит и первый «сталинский» Патриарх.

И все же от «улыбчивых» и «добродетельных» батюшек, которых так наглядно изобразил Розанов в своем докладе, до типичных представителей «передового советского монашества» — «дистанция огромного размера». Те были неразвиты и наивны, а нынешние, наши, развиты сверх всякой меры и довольно циничны.

Для того чтобы либеральные священнослужители начала века превратились в нынешних деятелей Московской Патриархии, потребовалось целых два периода в истории Русской Церкви, так сказать, два этапа эволюции.

И первым из этих этапов стало печально известное «обновленчество».

Я не стану углубляться в историю, а приведу здесь еще одно свидетельство очевидца. Это — видный канонист и историк Церкви епископ Григорий (Габбе). В одной из его последних работ «Русская Церковь перед лицом господствующего зла» читаем:

«Обновленцы вышли из кругов русской интеллигенции, проявлявших интерес к религиозным

вопросам. Эти лица приближались к Церкви, но не входили по-настоящему в ее жизнь и не воспринимали ее учения полностью. В Петербурге и в Москве, а частью и в других городах, они встречались в разных кружках, где, впрочем, наравне с ними выступали и лица с православными убеждениями, в том числе профессора Духовных Академий. Довольно долго в Петербурге председателем на заседаниях Религиозно-философского общества был епископ Ямбургский Сергей (Страгородский), впоследствии Патриарх. Видным участником общества был и будущий вождь обновленцев епископ Антонин (Грановский). Из будущих заграничных деятелей назову Бердяева, Булгакова, Карташова, Мережковского, Франка. Кроме религиозно-философских обществ в Петербурге и в Москве был ряд разных кружков, члены которых если и интересовались религиозно-философскими вопросами, то с предубеждением относились ко всему ортодоксальному, как к чему-то скучному и устарелому. В некоторых случаях эти кружки так далеко уходили от Церкви, что приближались к некоторым формам сатанизма. О московском религиозно-философском обществе памяти Владимира Соловьева бывавший на его собраниях проф. Н. С. Арсеньев вспоминает: «Это была религиозность, но в значительной степени (хотя и не исключительно) вне-церковная, или, вернее, не-церковная, рядом с церковной, а главное, вливалась сюда порой струя „символического“ оргазма, буйно оргианистического, чувственно возбужденного (иногда даже сексуально-языческого) подхода к религии и религиозному опыту».

Однако же вполне понятно, что непосредственно от «обновленцев» никакие монахи, даже и «передовые, советские», произойти не могли. По той простой причине, что «митрополит» Введенский и иже с ним намеревались самое иночество «ликвидировать как класс», это был, в частности, церковный бунт «бельцов» против «чернецов».

Следующей стадией, уже окончательно предопределившей появление «передового советского монашества», стало «сергианство». Как известно, Митрополит Сергей повел верную ему паству по среднему, «третьему», пути не по тому, по которому шли новомученики и исповедники российские, но и не совсем по такому, как шли отъявленные «обновленцы».

Мне когда-то рассказывали о некоем русском священнике, который долгие годы служил на православных приходах в Эстонии. Свою тамошнюю паству этот батюшка характеризовал весьма выразительно:

— Протестанты восточного обряда. Нечто подобное можно высказать по отношению к идеологам Московской Патриархии:

— Сергианство — это обновленчество православного обряда.

Суждение это весьма основательное, в особенности если принять во внимание, что в середине сороковых годов в Московскую Патриархию были приняты за редчайшими исключениями все иерархи и клирики из проигравшей свою игру «живой церкви».

В голову приходит еще и такое соображение. Окончательная победа «сергианства» над «обновленчеством» была предопределена не только и не столько хваленой «мудростью» Митрополита Сергея. К этому привело то, что сами большевики именовали «диалектикой развития».

На первом этапе, когда сам кровавый режим был ультрареволюционен, ему вполне импонировал авангард в искусстве, а в религиозной области — именно «обновленцы» со своими «уклонами» и «загибами», с желанием «сбросить с корабля современности» и монашество, и единобрачие духовенства, и многие обряды, и архаический язык.

Однако же по мере того, как революционная тирания перерождалась в коммунистическую империю, менялся и антураж. На офицерах и генералах засверкали «старорежимные погоны», школьникам и школьницам одели в гимназические мундиры и платья с фартуками, а сам обожествленный «генсек», в конце концов, наименовался «генералиссимусом» и

облачился в расшитый золотом мундир...

Соответственно этому в литературе и искусстве стал господствовать «социалистический реализм» в самых традиционных жанрах. То же самое потребовалось и от разрешаемой Церкви. Религия, подобно искусству, должна была стать «национальной (т. е. православной) по форме и социалистической по содержанию».

С крикливым «авангардом» — как в культуре, так и в Церкви, было покончено.

Идентичность и синхронность явлений в искусстве и в жизни Московской Патриархии прослеживается и далее.

Вот настала хрущевская «оттепель».

В культуре выступили новые авангардисты — «шестидесятники».

И сейчас же «передовые советские монахи» из когорты Митрополита Никодима вводят в богослужение современный язык и прочие новшества.

Но «оттепель», как известно, продлилась недолго, начались годы «застоя».

И вот уже согласно очередной команде со Старой площади и культура, и религия снова стали «национальными по форме и социалистическими по содержанию».

А за сим горбачевская эра, «перестройка» явила нам в одном случае «постмодернизм», а в другом — «неообновленчество»...

Мне наверняка заметят: ведь не одним «передовым советским монашеством» был чреват «русский религиозный ренессанс».

Что верно, то верно, метаморфозы его куда как разнообразны — тут и респектабельное «парижское богословие», и гималайский демонизм а la Рерихи, и даже откровенная патология — я имею в виду беднягу Даниила Андреева с его чудовищной «Розой мира».

Но, обратите внимание, в каждом из этих случаев, даже в самом болезненном (в злосчастной «Розе мира»), неприменная претензия на вселенскость и даже едва ли не на православность.

Вернемся, однако же, к самым истокам. К тому времени, когда в ограду Православной Церкви вошло (или пыталось войти) значительное число интеллигентов — утонченных, образованных, одаренных. То, что они там обнаружили — пост, молитва, призывы к смирению, показалось им пресным, однообразным и скучным. И тогда, руководствуясь самыми добрыми намерениями, эти люди принялись Православие «улучшать», делать его более привлекательным с интеллектуальной стороны и более острым — с чувственной.

Дальнейшее более или менее известно.

Но с некоторых пор я стал задумываться еще вот над чем.

По какой причине интеллигенция ринулась в Церковь именно в те смутные годы? Неужто лишь потому, что с воцарением большевизма религия вдруг сделалась гонимой, явила себя неким запретным плодом?

Недоумения мои рассеял не кто иной, как знаменитый в начале века московский протоиерей, один из лучших в России проповедников, ныне прославленный в сонме новомучеников и исповедников, — отец Иоанн Восторгов. Большевики, которых он безбоязненно обличал, поспешили его расстрелять в первые же месяцы своей кровавой диктатуры.

Менее чем за год до своей мученической кончины — 26 ноября 1917 Святой Иоанн говорил с амвона слова, которые воспринимаются так, будто обращены к нынешней России:

«Есть ли отрезвление? Все твердят, что есть. Утверждаем, однако, что его нет! Мы внимательно следим за всем, что пишут, печатают, говорят. И видим: есть пока чувство боли, есть досада, есть недовольство, есть брань и злоба, но раскаяния нет. Как? — спросите вы, — а разве не видите, как перестали в газетах бранить Церковь и ее служителей, как стали ходить в храмы те, кого прежде там не видели? Разве не видите, как ученые, профессора, общественные деятели вдруг заговорили о церковных вопросах, о религии?.. Да, когда потеряли учебные заведения, учащуюся молодежь, печать, думы и земства, когда выгнаны отовсюду, когда выпустили из-под влияния улицу, рабочих, армию, то теперь идут стричь овец не своего стада, идут к кротким и доверчивым детям Церкви; но, увы, — идут учить Церковь, а не учиться от нее, и идут с теми же затаस्कанными и опозорившимися лозунгами выборами, большинством голосов, борьбой за права свои, за ограничение прав пастырей, за борьбу классов. Ничему не научились! Та же гордыня! И все это надолго ли? Пока не пройдет гроза, пока не отпустит рука, которая теперь схватила за горло, за карман... все отбирает и не дает дышать!

Нет, отрезвление будет тогда, когда все прошлое поведение мы осудим бесповоротно, когда, подобно разбойнику благоразумному, скажем: „И мы убо терпим вправду, достойная по делом нашим восприемлева“...

Отрезвление наступит тогда, когда смирится гордыня, когда вместо самолюбования и сознания своей непогрешимости та же буржуазия и та же демократия устами своих глашатаев скажут: мы виноваты, мы ошибались, мы произвели по своей надменности и эгоизму разрушение жизни. Отрезвление наступит тогда, когда к вере, к закону Божьему, к Церкви недавние кумиры и победоносные глашатаи общества, потрясавшие Россию всякими своими резолюциями и выступлениями, придут не как учителя, по-прежнему в горделивости своей ищущие наивных и благоговейно внимающих им учеников, а сами, как смиренные ученики, познавшие нищету своей превознесенной гордыни. Отрезвление наступит тогда, когда увидят, что всякий человеческий закон без закона Господня — ничто, что все эти прославленные реформы без духа Евангелия, веры, подвига и жажды вечного спасения отравлены себялюбием, жадностью, насилием и лицемерием. Отрезвление придет тогда, когда перестанут верить в силу только человеческой добродетели и познают всю правду слов одного из древнейших отцов Церкви, назвавшего языческие добродетели только „блистательными пороками“. Отрезвление придет тогда, когда отбросят теперешнюю нравственность дикаря, по которой к добру применяются две мерки: оно — добро, когда мне выгодно, и оно есть не добро — когда мне не полезно...»

ПРОПИСНЫЕ ИСТИНЫ

Предлагаемые заметки не принадлежат к жанру проповеди. Их цель скорее ознакомительная, выражаясь церковным языком, катехизаторская. В современной России есть сотни монастырей, многие тысячи храмов, но подавляющее большинство людей, даже регулярно посещающих церкви, православного учения — в его полноте и чистоте — не знают, и доступ к нему вовсе не так прост.

Парадоксальное это положение сложилось в Российской Православной Церкви по двум наиглавнейшим причинам, одна из них — внешняя, а другая внутренняя. Первая причина известна всем. Это невиданное в истории гонение на Церковь, которое воздвигли большевики сразу же, как только захватили власть. Они, по существу, разгромили Церковь, а потом уже, в

годы войны с Германией, на ее развалинах по приказу Сталина была учреждена покорная и безгласная Московская Патриархия. Ей было «всемиловнейше» разрешено сохранить православное богослужение, а взамен этого предписывалось вместе с большевиками и их агентами «бороться за мир во всем мире», подтверждать любую коммунистическую ложь и внушать всему свету, будто в нашей стране вот-вот будет построен вожделенный «рай на земле». Все это, как мы понимаем, довольно далеко от святоотеческого учения. И хотя коммунизм уже сошел с политической арены, Патриархия по-прежнему остается покорным и безгласным придатком у власть имущих. Вторая, внутрицерковная, причина, по которой доступ к святоотеческому учению в наше время затруднен, кроется в том историческом явлении, что принято называть «русским религиозным Ренессансом». В начале этого века некоторое число интеллигентов, разочаровавшись в материализме и марксизме, вошли в ограду Православной Церкви. Но даже отказавшись от своих прежних взглядов, многие из этих людей не принесли должного покаяния и разума своего отнюдь не смирили. Православие предложило им то, что Церковь предлагает своим чадам на протяжении всей своей истории: смиряйтесь, молитесь, поститесь, помогайте ближним...

А что касается высоких откровений и экстатических состояний, то их, скорее всего, никто из вас не удостоится.

Для избалованного утонченной светской культурой интеллигента это весьма однообразно и скучно. И вот тогдашние неопиты, люди при том недюжинных способностей и талантов, с самыми лучшими намерениями стали, как им казалось, улучшать, усовершенствовать Православие, дабы сделать Церковь более привлекательной с интеллектуальной и чувственной точек зрения. А поскольку это были люди весьма и весьма одаренные, их идеи имели (и до сей поры имеют) успех в родной им интеллигентской среде. И не только в России, но и за границей, куда по решению большевистских властей многие деятели «русского религиозного ренессанса» были в свое время высланы.

Как только у нас началась «перестройка» и была объявлена «гласность», в печати сейчас же замелькали имена Н. Бердяева, С. Франка, о. С. Булгакова, о. П. Флоренского и иже с ними. Литераторы, журналисты и некоторые церковные деятели принялись превозносить и пропагандировать сомнительное с православной точки зрения наследие всех этих людей.

Самым талантливым и известным популяризатором «русского религиозного ренессанса» был не кто иной, как покойный протоиерей Александр Мень.

По моему глубокому убеждению, всякий серьезный, вдумчивый человек, даже и неверующий, обязан знать святоотеческое вероучение в его чистоте, не поврежденное ни модернизмом, ни экуменизмом, ни пресловутой «софиологией»... Без такого знания невозможно понять тысячелетнюю историю России, ибо в нашей стране Православие было когда-то стержнем жизни, основой философии, этики, морали, права, семейных и общественных отношений.

Увы! — удаление образованного российского общества от этой основы началось не сегодня и даже не вчера. Еще в начале прошлого века Преподобный Серафим Саровский говорил Н. А. Мотовилову: «...мы удалились от простора первоначального христианского ведения и под предлогом просвещения зашли в такую тьму неведения, что нам уже неудобопостижимо то, о чем древние ясно разумели».

О морали

Давным-давно, еще в двадцатых годах, Митрополиту Антонию (Храповицкому), Первоиерарху Русской Зарубежной Церкви, был задан вопрос:

— Правда ли, что большевистская власть — антихристова?

— Много чести, — отвечал Митрополит, — просто разбойники...

Маститый архиерей был, конечно, прав. Враги всякой мистики, неистовые богоборцы, убийцы и грабители — большевики не могут быть непосредственно отождествляемы с тем «льстецом» и «беззаконником», о котором говорит нам Священное Писание. Однако же и Ленин, и Сталин в качестве кумиров толпы и «спасителей человечества» бесспорно являлись своего рода предтечами самого антихриста.

Мало того, большевистская партия была не только преступной организацией, но и страшной, сатанинской пародией на Христианскую Церковь со своими съездами-соборами, со своими казнимыми еретиками-отступниками, со своими «мучениками за веру», даже со своими лжемошцами на Красной Площади.

Насаждая свою чудовищную бездуховную религию, коммунисты видели в христианстве своего главного врага, а потому с невиданной жестокостью расправлялись с духовенством и монашеством, сносили храмы и монастыри, жгли иконы и книги... Но опыт показывает, что ломать, разрушать гораздо легче, чем созидать, а потому богоборцы не столько преуспели в насаждении своей веры в «светлые идеалы коммунизма», сколько в том, что лишили народ исторической памяти, разорвали все естественные связи — духовные, культурные, национальные...

В результате нынешняя Россия представляет собою некую пустыню, или даже не пустыню, а поле, где можно насаждать все что угодно — хоть западный протестантизм, хоть самые диковинные секты, хоть язычество и астрологию, хоть прямой сатанизм, а там, глядишь, и «всемирную религию» грядущего антихриста. Наглядными признаками того опустошения, которое большевики произвели в России, является неимоверный рост преступности, наркомании, проституции... Бьют тревогу криминалисты, педагоги, медики, и все сетуют на падение морали. Вот об этом я и хочу сказать несколько слов.

Мораль, существующая (или лучше сказать — разрушающаяся, исчезающая) в современном мире, — библейская, христианская. Она основана на десяти заповедях, данных Богом Моисею, и на учении Господа Иисуса Христа. Некоторое время тому назад знаменитый советский поэт Евгений Евтушенко провозгласил, что основой морали является культура. Утверждение это по меньшей мере наивно. Опровергается оно весьма просто: достаточно взглянуть на жизнь бесхитростных, «некультурных» крестьян и на нравы деятелей самой культуры. В особенности на так называемых «жрецов святого искусства» с их разводами, развратом, алкоголизмом, самоубийствами... Истинной основой морали может быть только религия. (Или в некоторых случаях идеология, которая для каких-то людей религию совершенно заменяет. Все слышали, например, о «кристально честных коммунистах».)

В доказательство — самый простой пример. Как объяснить маленькому ребенку, что воровать нельзя?..

Он на это может возразить: а я возьму у богатого, который пропажи не заметит... Или я возьму у государства... Отчего это — плохо?

По существу говоря, на это можно возразить только так: воровать грех, это запрещено Самим Богом. Бог знает все, и, если ты даже тщательно скроешь свой поступок, Он все равно накажет тебя.

Предвижу возражение: уместно ли запугивать детей карами Божиими? Неужели нужно, чтобы они росли в страхе?

На это отвечу: я нарочно довел проблему до самого примитивного уровня. На деле процесс

воспитания ребенка в христианской семье гораздо сложнее. Ему прививают не столько страх перед Богом, сколько любовь к Нему и благоговение. В конце концов, страх истинного христианина перед Богом «страх Божий» — не столько боязнь наказания, сколько боязнь богооставленности, боязнь из-за греховности утратить живую связь со своим Творцом и Спасителем.

Но и в том примитивном варианте, с которого я начал, есть бесспорное преимущество перед нынешними, так сказать, безрелигиозными доводами о том, почему нельзя воровать. Ребенку говорят: это войдет у тебя в привычку, и ты попадешь в тюрьму.

А вот еще один пример. Как с точки зрения безрелигиозной морали ответить на такой вопрос: почему нельзя изменить жене, если ни она, ни муж той женщины, с которой изменяешь, ничего об этом не узнают? Отчего это плохо?

Моим возможным оппонентам я предлагаю задуматься вот над чем: по какой причине в средневековье, в столь проклинаемое либералами время, при господстве христианской морали почти не было ни разводов, ни проституции, ни аборт, ни беременных девочек-школьниц, ни бесстыдно хвастливых гомосексуалистов, ни прочих подобного рода обыденностей нашего «просвещенного времени»?

При этом христианство в свое время предложило миру мораль непревзойденную, совершеннейшую. Это всегда признавали даже более или менее добросовестные критики нашего учения. Евангелие запрещает нам (разумеется, речь идет об идеальных случаях) не только дурные поступки, но и злые мысли, и нечистые душевные движения.

Много лет тому назад, когда я впервые познакомился с книгой священника Александра Ельчанинова (он скончался в Париже в 1934 году), мне в особенности понравилась такая его мысль:

«Относительно религиозности Толстого и Руссо дело обстоит так. Религия дело сложное. Вино, например, состоит из воды, спирта, ароматических и красящих веществ и т. д. Так и религия — в ней есть спирт догматов, ароматические вещества культа и обрядов и нравственные правила — вода. Вот Толстой и Руссо одну эту воду и видели».

По моему глубокому убеждению, одна из главнейших причин трагического положения, в котором оказалось наше общество, да и весь современный мир, именно в том и заключается, что люди в подавляющем большинстве своем вполне уподобились Руссо и Толстому, по существу отвергли религию, а теперь тщатся хоть как-нибудь сохранить нравственность.

Если развивать удачную метафору о. А. Ельчанинова, можно сказать, что человечество пытается удержать в руках эту самую «воду» — нравственные правила, но жидкость есть жидкость, она льется, бежит между пальцами... Чтобы хранить ее, потребен подобающий сосуд, каковым во времена прошедшие была Христианская Церковь.

А теперь мы читаем в газетах, как нечто совершенно обыденное, мрачные прогнозы статистиков: в наступающем году столько-то сотен тысяч девочек-подростков сделаются беременными, столько-то миллионов матерей убьют своих детей во чреве, столько-то миллионов жителей планеты заразятся СПИДом... И не надо быть пророком, чтобы со всей определенностью предсказать: с исчезновением в обществе последних остатков христианской морали эти миллионы будут приумножаться и притом в прогрессии геометрической.

«Рожу себе ребенка»

Я иногда вспоминаю мое детство и отрочество — конец войны и самые первые послевоенные годы. Вспоминается безобразный пятиэтажный дом на Большой Ордынке, окруженный многими пристройками. И все это было разделено на комнатухи и битком набито полуголодными жильцами. Там были семьи без отцов — все взрослые мужчины перебиты на войне или они еще в армии...

В те далекие годы и представить себе было невозможно, чтобы какая-нибудь девушка или незамужняя женщина вдруг родила ребенка. Если и случался грех, то из боязни всеобщего осуждения часто шли на еще худшее с точки зрения христианства преступление — подпольный аборт. Надо сказать, что тогда убийство детей во чреве было законом запрещено, и те, кто этим занимался, зачастую попадали в тюрьму...

А еще в моей памяти всплывает 1968 год. Тогда я, постоянный житель столицы, впервые приехал в маленький городок на Владимирской земле, на Клязьме.

Там были травяные улицы, палисадники, деревянные дома. Там с русским размахом «игралась свадьба», после пиршественного стола гости непременно выходили на улицу, и перед домом начинались пляски с пением частушек.

Так вот в 1968 году, я это хорошо помню, подвыпившие мужчины позволяли себе выкрикивать частушки с матерными словами, а их партнерши женщины пели только пристойные четверостишия... Но — увы! — не прошло и двух-трех лет, в начале семидесятых на тех же самых травяных улицах, на таких же хмельных свадьбах женщины уже ничем не отличались от мужчин и всю горланили любую похабщину...

Так на моей памяти исчезали в народе остатки христианской морали. Нагляднее же всего это исчезновение проявляется в том, что почти перевелись нормальные, то есть многодетные, семьи. Я уже не говорю о том, с какой скоростью распадается большая часть регистрируемых теперь браков. Гораздо страшнее тенденция вовсе их не заключать.

У Козьмы Пруткова есть забавный афоризм: «Девицы вообще подобны шашкам: не всякой удастся, но всякой желается попасть в дамки». Так вот теперь этот афоризм устарел. Весьма многие женщины, в особенности в больших городах, где пресловутая «эмансипация» наиболее распространилась, вообще не желают обременять себя брачными узами. Они смолоду ведут т. н. свободный (читай: развратный) образ жизни, а годам к тридцати обзаводятся ребенком. У этих вольнолюбивых дам есть уже и специальный термин:

— Рожу себе ребенка.

На время оставим точку зрения церковную — Евангелие возбраняет нам не только «блуд» и «прелюбодеяние», но даже и нечистые душевные движения, даже нескромные, похотливые взгляды на лиц иного пола. Рассмотрим эту распространившуюся практику с точки зрения житейской. Что именно сулит будущее той, которая приняла решение:

— Рожу себе ребенка.

Во-первых, у того, кто появится на свет подобным образом, будет весьма сомнительная наследственность.

Я не представляю себе ни одного нормального, порядочного мужчину, который бы решился стать отцом ребенка, с тем чтобы никогда его не видеть и не принимать участия в его воспитании и судьбе.

Во-вторых, у ребенка, которого «родили себе», рано или поздно возникает конфликт с

матерью. Он видит вокруг нормальные семьи, начинает расспросы о своем отце и отнюдь не удовлетворяется обыкновенными в этом случае уклончивыми ответами.

В-третьих, поскольку женщина рождает «себе», ребенок становится для нее игрушкой и одновременно кумиром. В результате неизбежно вырастает эгоист. К тому же эти матери, воспитывая, а лучше сказать, непрерывно балуя своих детей, относятся к ним как к неким банкам или инвестиционным фондам. Подразумевается вот что: теперь я вкладываю в него всю мою любовь и заботливость, а в старости буду получать от него эти чувства в качестве процентов на вложенный душевный капитал. И вот уж этот наивный расчет никак не может оправдаться, поскольку, повторяю, ребенок растет эгоистом. Да и наследственность у него со стороны отца, как мы уже упоминали, весьма сомнительная. Так что можно с уверенностью предсказать: тех, кто «родил себе ребенка», вовсе не ждет беззаботная и безбедная старость.

Ну а теперь вернемся к точке зрения церковной.

Женщина, которая приняла решение — «рожу себе ребенка», должна давать себе отчет в том, что в этом случае она нарушает две Божественные заповеди — «Не прелюбы сотвори» и «Не сотвори себе кумира».

Несколько слов о «нечистой силе»

Не так давно в наш храм вошли две женщины средних лет.

— Давай купим православный календарь, — сказала одна.

— А зачем? — отозвалась другая. — Я уже купила астрологический.

И они удалились.

Этот краткий диалог напомнил мне другую беседу.

Лет двадцать тому назад я возвращался из глухой владимирской деревушки, куда ездил навестить своего доброго знакомого. Это был глубокий старик, простой крестьянин, по-настоящему верующий — он когда-то пел на клиросе. Поездка моя состоялась зимою, и оттуда я ехал в розвальнях по заснеженному полю. Лошадью управлял младший сын старика. А поскольку мы с его отцом вели беседы религиозные, то и наш разговор в санях касался тех же вопросов. И вот мой возница — он возлежал в тулупе и в валенках на охапке сена — как бы подытожил метафизическую тему такими словами:

— Ну, Бог — не Бог, а какая-то нечистая сила все же есть...

Кошунственная эта фраза как нельзя лучше формулирует кредо большинства наших соотечественников. Коммунисты десятилетиями внушали им, что Бога нет, что не существует никакой иной реальности кроме видимого мира. Но жизненный опыт всякого человека неизбежно вступал в противоречие с «научным атеизмом» (каждый из нас рано или поздно сталкивается с явлениями мистическими, сверхъестественными) и убеждался — «какая-то нечистая сила все же есть».

Именно эта абсолютная неопределенность религиозного сознания, присущая населению нашей несчастной страны, является главной причиной того, что мы наблюдаем теперь не столько возрождение Церкви и веры, сколько чудовищное распространение одиозных культов, магов, астрологов, шаманов, колдунов, прорицателей, целителей — «имя им

легион».

Увы! — почти никто из наивных и непросвещенных постсоветских людей вообще не подозревает, что Церковь строго осуждает всех подобных «чудотворцев» и тех, кто прибегает к их услугам. И это с самых древнейших времен — мы читаем в Ветхом Завете:

«Не должен находиться у тебя... прорицатель, гадатель, ворожея, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых, ибо мерзок перед Господом всякий, делающий это» (Второзак. 8: 10–12).

Сами расплодившиеся ныне «чудотворцы», как правило, об этом прекрасно знают, но скрывают от своих доверчивых клиентов. Как известно, по временам «сам сатана принимает вид Ангела Света» (2 Кор. 11, 14). И в прямом соответствии с этим нынешние служители тьмы зачастую прикрываются именем и авторитетом Церкви Христовой — развешивают у себя иконы, зажигают свечи... Я сам видел по телевидению, как толстущая тетка, которая делала предсказания и толковала сны, ничтоже сумняшеся объявила:

— Меня на это благословили две Церкви — Русская и Армянская.

Но самую большую опасность сейчас представляют вовсе не астрологи, предсказатели и гадалки, ибо к ним обращается далеко не каждый. Гораздо страшнее то, что теперь принято называть эвфемизмом «нетрадиционная медицина». Одичавшие наши соотечественники одержимы желанием обеспечить себе благоденствие и как только можно продлить земное существование, а посему стремятся любой ценой избавиться от своих болезней. И тут в ход идут все средства и способы — от популярных «телевизионных целителей» вплоть до темных деревенских бабушек. И при том все время слышишь:

— А что же тут плохого? Ведь целители делают добро — освобождают людей от страданий...

Но Церковь смотрит на это совсем иначе. В книге «Номоканон» в разделе «О волхвовании» читаем: «Волхвы убо суть, иже негли благотворные бесы призывают, еще и в благая некия вещи составления, скверноубийцы суть, и лестцы проиволением». (Все, кто и для блага призывают бесов, есть чародеи, убийцы и обманщики.) И далее — цитирую по-русски: «Те, которые ходят к чародеям и колдуют и гороскопы составляют, на шесть лет отлучаются от причастия Святых Христовых Тайн, а те, кто приводят целителя в свой дом, где есть больной или для другой цели, и чаруют, отлучаются от причастия на пять лет, так как все это совершается действием бесовской силы».

И тут следует сказать несколько слов о том, как истинные христиане должны относиться к своим недугам. Желание исцелиться для человека естественно, и Учитель Церкви Святой Василий Великий высказал такую мысль: «Господь недаром наделил минералы и растения целебными свойствами, и пользоваться всем этим человеку не возбраняется». Однако Святитель тут же предостерегает христиан от греха, который он именует «попечительство о плоти». Не следует забывать, что сама Церковь предлагает своим чадам собственные средства исцеления — исповедь и приобщение Святых Христовых Тайн — «во здравие души и тела», а в случаях тяжелой болезни — соборование.

Но при том, если христианин страдает от болезни, он должен относиться к этому со смирением и терпением. Подобное испытание часто посылалось даже и святым, как, например, Апостолу Тимофею. Много лет, до самой смерти, страдал от недуга и Преподобный Серафим Саровский, который прославился тем, что исцелил множество болящих...

А тем временем открывается дверь, и в нашем храме появляется миловидная девица. Она улыбается мне и произносит:

— Батюшка, а это правда, что Преподобный Серафим больше всего помогает тем, у кого знак зодиака — Дева?..

Господи, просвети Россию!

О «христианском театре» и «православном кино»

Среди слов совершенно опошленных современными публицистами больше всех пострадало слово «духовность». К чему только ныне не прикладывают этого понятия, как только на нем не спекулируют... Появились даже такие абсурдные словосочетания, как «духовная оппозиция», «христианский театр» или «православное кино». О последних двух мне хочется высказаться несколько подробнее.

Каноны Православной Церкви и Святые Отцы с древнейших времен воспрещали христианам (в особенности клирикам) ходить на какие бы то ни было зрелища, даже на такие, казалось бы, невинные, как скачки — «конные ристалища».

Святой Иоанн Златоустый, кого Церковь именует Вселенским Учителем и Святителем, обращался к своим пасомым:

«Не только душою, но и очами твоими пусть управляет любовь к Богу. Пусть не двоятся твои взоры между бесстыдными зрелищами и святой ревностью».

Нынешние — увы! — многочисленные апологеты сценического искусства, зачастую искренне почитающие себя христианами, утверждают, будто строгость, которую Церковь проявляла по отношению к театру, объясняется лишь тем, что тогдашние пьесы — сплошь языческие — были безнравственны по своему содержанию. Но это утверждение отнюдь не выдерживает критики, поскольку, например, трагедии Эсхила или Софокла подобными не являются.

Святые Отцы признавали аморальными не только зрелища как таковые, но самое занятие лицедейством. Карфагенский собор в своем 74 правиле, упоминая «игрательные упражнения», называет их «оними нечистотами» и говорит о возможном покаянии тех, кто этому предается.

С подлинно христианской точки зрения нет и, пожалуй, быть не может более пагубного занятия, чем актерство. Церковь призывает каждого из нас к постоянному самоочищению, к неусыпному контролю над своими мыслями и душевными движениями, к воспитанию в себе того, что Апостол Петр имеет в виду, употребляя выражение «сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа» (1 послание, 3, 4).

Между тем актерское ремесло в прямую противоположность этому заставляет артиста примерять чужие личины и, согласно «предлагаемым обстоятельствам», имитировать мысли и чувства выведенных в пьесе персонажей. А праздная толпа тем больше награждает лицедея аплодисментами, чем естественнее он это делает, чем тщательнее скрывает свое подлинное естество.

Ну а теперь несколько слов о кинематографе, по ленинскому мнению «важнейшим» из искусств, которое я бы наименовал «безнравственнейшим». Театр зиждется на примитивном обмане, и некто Иванов, надевши парик и намазавши свою физиономию гримом, выходит на сцену изображает Гамлета или Юлия Цезаря.

Так вот кино — тройной обман. Во-первых, там происходит то же, что и на сцене, — Иванов изображает Юлия Цезаря. Во-вторых, никакого Иванова в кинотеатре нет, быть может, он

давным-давно умер. Эффект же присутствия достигается тем, что тень Иванова движется по белой простыне. И, наконец, обман состоит в том, что на экране нет даже и непрерывного движения. Видимость его объясняется дефектом человеческого зрения — мы таким образом воспринимаем пульсацию ленты в проекционном аппарате.

По части же душевредности кино многократно превосходит театр. На сцене практически невозможно изобразить и смаковать насилие и разврат с такими мельчайшими подробностями, как на экране, а именно из подобных сцен сплошь состоят почти все теперешние ленты. Мне возразят: театр и кино подчас преподносят зрителю геройство, самоотверженность и прочие высокие чувства... На это я отвечаю: если по вышеприведенным причинам само по себе лицедейство аморально, то в случае, когда театр или кинематограф притворяются добродетель-ными, они впадают даже в некоторое кощунство. Общеизвестно, что актеры за редкими исключениями довольно безнравственны, подвержены всем и всяческим порокам, и подобные люди порой принимают позу проповедников и учителей жизни... Это ли не горькая насмешка над здравым смыслом и самой добродетелью?

И тут я сошлюсь на авторитет одного из величайших российских праведников — Святого Иоанна Кронштадтского. Лет сто тому назад он писал в книге «Моя жизнь во Христе»:

«Театр — школа мира сего и князя мира сего — дьявола; а он иногда преобразуется в ангела света, чтобы прельщать удобнее недальновидных, иногда ввернет, по-видимому, и нравственную пьеску, чтобы твердили, трубили про театр, что он пренравоучительная вещь, и стоит посещать его не меньше, а то, пожалуй, и больше церкви: потому-де, что в церкви одно и то же, а в театре разнообразие и пьес, и декораций, и костюмов, и действующих лиц».

А. С. Пушкин и христианство

Учитель Церкви, священномученик Иринеи Лионский оставил христианам на все времена великий святоотеческий завет:

«...не должно искать истины, которую легко заимствовать от Церкви. Ибо в нее, как бы в богатую сокровищницу, Апостолы в полноте положили все, что принадлежит истине, так что каждый желающий может принимать от нее питье жизни». (Против ересей, кн. 3, гл. 4)

С тех пор, как были начертаны эти слова, протекли долгие века, и мир, в свое время почти целиком покорившийся Христу, давным-давно стал снова удаляться от Спасителя. Процесс этот в особенности был явным на Западе, где великая схизма отделила Римскую Церковь от чистого святоотеческого исповедания, а последовавшие за нею Ренессанс, Реформация и Французская Энциклопедия вполне завершили отпадение западной цивилизации от правоверия.

Пожалуй, нигде это отпадение так наглядно не запечатлено, как в искусстве новейшего времени, и даже не в собственно светском, а именно в храмовом, культовом, изначально призванном свидетельствовать об Истине. Увы! — русская Православная Церковь из-за давней европеизации своих меценатов осталась отнюдь не чужда общему растлению, и по сию пору в городских храмах с правых клиросов доносятся «бесчинные» оперные вопли, а строгая традиционная иконопись почти повсеместно вытеснена жирной масляной мазней.

О чисто субъективных причинах этого печального состояния, пожалуй, лучше всех писал еще в прошлом веке Святитель Игнатий (Брянчанинов):

«...способность воображения находится в особенном развитии у людей страстных. Она

действует в них соответственно своему настроению, и все священное изменяет в страстное. В этом могут убедить картины, на которых изображены священные лица и события знаменитыми, но страстными художниками. Эти художники усиливались вообразить и изобразить святость и добродетель во всех видах ее, но преисполненные и пропитанные грехом, они изображали грех, один грех. Утонченное сладострастие дышит из образа, в котором гениальный живописец хотел изобразить неизвестные ему целомудрие и божественную любовь.

Пророкам и Апостолам при желании выразить их состояние вдохновения дан вид языческих беснующихся жрецов или актеров кровавой трагедии. Произведениями таких художников восхищаются страстные зрители; но в людях, помазанных духом Евангелия, эти гениальные произведения, как запечатленные богохульством и скверною греха, рожают грусть и отвращение. Воображение у людей страстных, у людей порочных и развратных, не имеющих никакого сочувствия к святости, способно только к сочинению изображений ложных. Оно не может не обманывать этих людей. Оно и обманывает, и оболъщает, скрывая обман, ясный для одних чистых по уму, сердцу и телу». (Прибавление к слову о смерти. Статья первая.)

По глубочайшему убеждению моему, замечание Святителя Игнатия касательно «утонченного сладострастия, дышащего из образа, в котором гениальный живописец хотел изобразить неизвестные ему целомудрие и божественную любовь», метит не куда-нибудь, а прямо в особенно прославившуюся во второй половине прошлого века «Сикстинскую Мадонну» Рафаэля. В подтверждение этого вывода я приведу хоть и косвенное, но чрезвычайно важное свидетельство одного из самых гениальных и утонченных сладострастников — А. С. Пушкина. В бытность свою женихом юной красавицы Н. Н. Гончаровой поэт написал нижеследующий поразительный сонет: Мадонна

Не множеством картин старинных мастеров

Украсить я всегда желал свою обитель,

Чтоб суеверно им дивился посетитель,

Внимая важному сужденью знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов

Одной картины я желал быть вечный зритель.

Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,

Пречистая и наш Божественный Спаситель

Она с величием, Он с разумом в очах

Взирали, кроткие, во славе и лучах,

Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.[1]

Вот вам и плоды «высокого Ренессанса»! И в голову ему, кощуннику, не идет, как тут хулится Пресвятая Богородица!

И самый конец тем не менее великолепен:

«Чистейшей прелести чистейший образец!»

Это звучит как невольно вырвавшийся богословский приговор всему светскому искусству в его попытках изображать духовное.

Пушкин — поэзия его и судьба — вообще непостижимая нравственная загадка. Вот, например, одесский период. Опальный поэт напропалую волочит за графиней Воронцовой, ест, пьет в доме обманываемого мужа, намеревается погостить еще и в крымском его имении и при всем том сочиняет на графа колкие и двусмысленные эпиграммы... А русское образованное общество полтора ста лет поэтом в подобной ситуации восхищается, ему же и сострадает, а Воронцова ругательски ругает...

Да что там образованное общество! Сколько христиан, да и каких христиан, даже святительским саном облеченных, Пушкина не только оправдывают, но и дифирамбы ему поют, едва ли акафисты не слагают...

Причину этого откровенно высказал один из главных христианских «апологетов» Пушкина — Преосвященный Антоний (Храповицкий) в своем слове перед панихидой о Пушкине, произнесенном еще в 1899 году.

«Все литературные, философские и политические лагеря стараются привлечь к себе имя Пушкина. С какой настойчивостью представители различных учений стараются найти в его сочинениях или, по крайней мере, в частных письмах какую-нибудь хотя маленькую оговорку в их пользу. Им кажется, что их убеждения, научные или общественные, сделаются как бы правдивее и убедительнее, если Пушкин хотя бы косвенно и случайно подтвердил их». (Архиепископ Антоний, Полн. собр. соч., СПб, 1911, т. 1, стр. 383.)

Владыка Антоний и прочие многочисленные «пушкинисты» из числа христиан с дотошностью выуживают из целого океана всяческого вольнодумства и фривольностей «маленькие оговорки» поэта, которые можно истолковать в пользу Церкви, и вполне при этом уподобляются крыловскому персонажу, посетителю кунсткамеры, не замечая таких «слонов», как приведенный выше сонет, как «Рыцарь бедный» или чудовищно кощунственная поэма, даже и наименование которой я не смею здесь начертать.

И все, разумеется, в один голос превозносят «Отцов-пустынников». Стихи, спору нет, хороши. Но не следует им придавать особенного биографического значения, ведь Пушкин —

искуснейший имитатор. Это его качество подметил еще Ф. М. Достоевский, когда в знаменитой своей речи говорил о поразительной способности поэта «перевоплощаться вполне... в древнего английского религиозного сектатора», а «рядом... религиозные же страницы из Корана... разве тут не мусульманин, разве это не самый дух Корана и меч его...» Тому, кто так легко передает чувства «древнего сектатора» и «мусульманина», ничего не стоит вообразить себя и сирийским «отцом-пустынником» XIV века.

Поделюсь теперь и неким собственным своим наблюдением. Речь пойдет о стихотворении «Бесы» («Мчатся тучи, вьются тучи...»). Там возница говорит седоку:

Хоть убей, следа не видно,
Сбились мы Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри вон, вон играет,
Дует, плюет на меня,
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня.

Как то открывши томик Пушкина, я задумался «А почему же, собственно „плюет“, а не „плюет“? Это что — „маленькая оговорка“? Уступка стихотворному размеру?» Отнюдь нет. В чине православного Крещения, в последовании «во еже сотворити оглашеннаго» священник спрашивает крещаемую на церковнославянском языке:

— Отреклся ли еси сатаны? Тот отвечает:

— Отрекохся.

Тогда священник говорит ему:

— Дуни и плюни на него.

Так вот церковнославянское «дует, плюет» у Пушкина — не что иное, как передразнивание слов требника, наглый бесовский ответ совершителю таинства.

Полагаю, если полистать пушкинские тома со специальной целью, можно было бы обрести не одну подобную «маленькую оговорку» Но для этих заметок, пожалуй, и без того достаточно.

Остается только сделать чрезмерно горячим поклонникам Пушкина (разумеется, из числа христиан) некое существенно напоминающее Святая Соборная и Апостольская Церковь — не просто «философский и политический лагерь», а «дверь жизни», «столп и утверждение истины», и по неложному обетованию «врата ада не одолеют ее» А посему и не нуждается этот столп, дабы подпирали его авторитетом человека, который при гениальнейшем

даровании и уме почти всю жизнь прожил кощунни ком, развратником, дуэлянтом, картежником, чревоугодником и кого, по меткому августейшему выражению, «насилу заставили умереть как христианина».

Кто был первым демократом?

Давным-давно, лет двадцать назад, я частенько задумывался над таким вопросом: отчего революционеры всех времен, эти мараты, робеспьеры, марксы и ленины так патологически ненавидят религию? Казалось бы, Христианство нигде прямо не противоречит идеям социальной справедливости — Евангелие осуждает богачей, призывает помогать бедным... Откуда же такое неистовое богоборчество?

Ответ на этот вопрос я в свое время нашел в одном из жизнеописаний Преподобного Серафима Саровского. Этот великий Старец запретил своим ученикам всякое общение с носителями «освободительных идей», «бытоулучшительной партией», а запрет свой он объяснил весьма кратко и убедительно:

— Первый революционер был сатана.

Эта мысль поразила меня своей глубиной и простотой.

Совершеннейший из ангелов взбунтовался против Бога, отчего и был низвергнут, лишен своего достоинства и стал тем, кто он есть. А потому и все последыши его, сколько бы их ни было в истории, несут в себе, так сказать, генетическую ненависть к Богу и к Церкви.

В самое последнее время меня заинтересовала иная проблема. Отчего в стане так называемых демократов не прекращаются громкие баталии?.. Ведь, казалось бы, у них общие ценности и цели — «свободы и права человека», «суверенитеты» и все такое прочее, а вот поди ж ты — согласия не более, чем у лебедя, рака и щуки из известной басни.

И тут я решился, насколько это возможно, последовать Преподобному Серафиму и, обратившись к учению церковному, определить, кто именно был первым «демократом». Ответ на этот вопрос содержится в самом начале Библии, в книге Бытия. Там недвусмысленно говорится, что изначальным «демократом» был все тот же персонаж — сатана. Принявши облик змея, он объяснил Еве, что Бог — тиран, что Он лишает ее мужа некоторых «неотъемлемых прав» и что если они эти «права» осуществят, то станут «равны Богу». То есть сатана призвал прародителей к «свободе и равенству». В русском переводе Библии это излагается так:

«И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть. Только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете. Но знает Бог, что день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло».

Последствия этого разговора общеизвестны. Адам и Ева нарушили божественный запрет и были изгнаны из Рая.

Бог сказал Еве:

«...умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рожать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобой».

«Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: „не ешь от него“, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей. Терние и волчцы произрастит она тебе; будешь питаться полевой травой. В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят: ибо прах ты, и в прах возвратишься».

Ну а что же сатана, первый «борец за права человека»? Каково ему наказание?

«И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты перед всеми скотами и перед всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей. И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятую».

Не это ли проклятие тяготеет над всеми парламентами?

«Вторая ложь» нашего времени

Лет сто тому назад один из умнейших людей России, замечательный писатель и богослов Константин Петрович Победоносцев опубликовал свою знаменитую статью «Великая ложь нашего времени». Там он пишет:

«Одно из самых лживых политических начал есть начало народовластия, та, к сожалению, утвердившаяся со времени французской революции идея, что всякая власть исходит от народа и имеет основание в воле народной. Отсюда истекает теория парламентаризма, которая до сих пор вводит в заблуждение массу так называемой интеллигенции — и проникла, к несчастью, в русские безумные головы. Она продолжает еще держаться в умах с упорством узкого фанатизма, хотя ложь ее с каждым днем изобличается все явственнее перед целым миром».

Ах, как бы хотелось начертать эти слова где-нибудь при входе в Государственную Думу, чтобы их могли усвоить «народные избранники»...

Однако же оставим праздные мечты и вернемся к печальной реальности.

Увы! — за прошедшее столетие в «русские безумные головы» проникла с Запада еще одна — вторая — ложь.

Она заключается в том, что якобы идеи «народовластия», «демократических свобод», «прав меньшинств» заложены в Евангелии и принадлежат Христианству.

На самом же деле все эти идеи вовсе не христианские, а масонские, и окончательно сформулированы они были в британском парламенте и в конгрессе США.

Декларация независимости Соединенных Штатов гласит: «люди сотворены равными» и «одарены своим Создателем некоторыми неотчуждаемыми правами».

Удивительно тут то, что почти никому не приходит в голову самая простая мысль: если это «равенство» и «права» действительно «дар Создателя», отчего же Всемогущий Господь не творит всех людей действительно равными и свободными?

На самом деле Христианство предполагает лишь одну существенную свободу — право выбора между добром и злом, между праведностью и грехом, между Богом и сатаной. Священное Писание подчеркивает наше неравенство в этом мире. (Любопытствующих

отсылаю к 12 главе 1 послания к Коринфянам.) А равны мы все только пред Самим Богом, в частности это будет на Страшном Суде, где предстанут «царие и нищие в равном достоинстве».

Священное Писание вообще не говорит нам о каких бы то ни было «правах», речь идет только об обязанностях — по отношению к Богу и к ближнему. И все призваны к послушанию — слуги господам, жены мужьям, дети родителям и все вместе — властям.

Вот весьма поучительный пример из Евангелия.

Величайший праведник — «большой из всех рожденных женами» — святой Иоанн Креститель становится, как бы выразились теперь, «узником совести». «Ирод, взяв Иоанна, связал его и посадил в темницу за Иродиаду, жену Филиппа, брата своего; потому что Иоанн говорил ему: не должно тебе иметь ее». (Матф. 14:3–4)

А что же Господь Иисус Христос? Неужто он не поспешил на выручку Своему другу и сроднику?

Отнюдь нет. Он по-прежнему продолжает Свою проповедь... И наступает день рождения Ирода, пляшет девица, и преподносит своей развратной матери страшную награду — окровавленную голову Иоанна Крестителя...

И представим себе, как поступил бы в этом случае не Христос, а какой-нибудь современный, либеральный христианин, пламенный борец за права человека.

Без сомнения он собрал бы тысячную толпу и повел бы ее демонстрировать возле Иродова дворца — «Свободу Иоанну Крестителю!»

Ну а теперь несколько слов касательно «самоопределения малых наций» и «свободы национальных меньшинств». Как известно, древняя Палестина находилась под властью, говоря современным языком, «римских империалистов». Однако Спаситель не только не возглавил «патриотическую борьбу народов за национальное освобождение», а напротив того — приказывал платить подати ненавистному кесарю, да еще благодетельствовал офицеров оккупационных войск исцелил, например, слугу центуриона...

Впрочем, в Евангелии есть одно место, где идея «народовластия» находит весьма показательное воплощение. (Боюсь только, что самое упоминание об этом важнейшем эпизоде сильно покоробит многочисленных либералов, которые присвоили себе абсурдное с церковной точки зрения имя — «христианские демократы».) Я говорю о решающем моменте, когда разъяренная толпа по наущению первосвященников и старейшин требует от Понтия Пилата распять Господа. С точки зрения демократии это решение вполне законно и приемлемо: во-первых, наличествует «квалифицированное большинство голосов», а во-вторых, решение принимается на «альтернативной основе» — для позорной казни предлагается и иной кандидат — разбойник Варавва.

О смертной казни

Двадцатый век — жесточайший во всю историю человечества — тем не менее принес победу так называемым «гуманистическим началам». В частности, это выражается в том, что во многих цивилизованных странах в наше время уничтожена смертная казнь за тяжкие преступления. А в прочих государствах теперь существуют объединения борцов за окончательную отмену этого наказания.

Для тех, кто утратил религиозную веру и отрицает «воскресение мертвых и жизнь будущего века» (а именно таковыми являются почти все образованные люди нашего времени), борьба против смертной казни — занятие совершенно естественное. Но — удивительное дело! — среди этих борцов мы видим множество таких деятелей, кто искренно почитает себя верующими христианами. Нам, в России, за примерами далеко ходить не надо — самым знаменитым и страстным противником этого наказания был не кто-нибудь, а сам великий писатель Лев Толстой.

В 1909 году он опубликовал специальную статью под названием «Смертная казнь и христианство». Наиглавнейшая мысль там такая:

«Казалось бы, самый простой, естественный и неотразимый довод против смертной казни был бы довод религиозный, о том, что смертная казнь несовместима с тем христианством, которого исповедниками признают себя защитники казни».

Тут следует заметить, что Л. Н. Толстой в конце своей жизни был еретиком в самом точном, классическом смысле этого понятия. Что такое вообще ересь?

Слово это происхождения греческого, от глагола «ерео», который означает «захватываю» или «беру». То есть «еретик» — это тот, кто «берет» или «выбирает» нечто из Священного Писания в ущерб общему смыслу.

Именно таким образом поступают современные пацифисты и гуманисты, когда, основываясь на заповеди «не убий», вслед за Львом Толстым они отрицают войну и смертную казнь. Эти люди не желают принимать во внимание, что данная шестая заповедь наряду с прочими девятью содержится во второй из книг Ветхого Завета — «Исход», глава двадцатая. А сразу же вслед за этим идут Божественные предписания карать смертной казнью различных преступников — убийц, гадалок, скотоложников и т. д. И далее Господь призывает Свой избранный народ к беспощадной истребительной войне против Амореяв, Хеттеяв, Ферезеев...

И еще — если бы шестая заповедь имела тот смысл, что придают ей либеральные толкователи, она бы так и гласила: «не убий, не вой, не казни».

Люди, подобные Льву Толстому, отвращаются от жестокостей, которые, по их мнению, содержатся в Ветхом Завете, и противопоставляют этому Евангелие и учение Господа о любви. Но опять-таки это — прием чисто еретический, ибо Сам Иисус Христос засвидетельствовал о Себе: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить». (Мф. 4: 17.)

Чтобы окончательно ответить на вопрос «совместима ли смертная казнь с христианством?» — следует обратиться к самому трагическому эпизоду во всей евангельской истории — к распятию Господа Иисуса Христа. Мы знаем, что страдание и сама смерть Его вполне добровольны — Всемогущий Господь идет на это по Собственной Воле. Его распинатели — легионеры, народ и начальники иудейские, издеваясь над Божественным Страдальцем, призывают Его избежать крестных мук: «других спасал; пусть спасет Себя Самого, если Он Христос, избранный Божий». (Лк. 23:35)

И далее повествование Святого Евангелиста Луки окончательно разрешает (во всяком случае для христиан) вопрос правомерности и допустимости смертной казни.

«Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой же, напротив, унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидешь во Царствие твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со мною в раю».

Итак, Господь наш Иисус Христос, обладая Божественной Властью, и Сам не избежал Креста, и «благоразумного разбойника» не избавил от мучительной, однако же вполне заслуженной казни. Но зато раскаявшийся в своих деяниях и уверовавший в Него преступник первым из людей вошел в Небесные Обители.

О богатстве и бедности

Некоторое время назад новые правители страны, которые пришли на смену коммунистам, объявили свой «подход к рынку». Но — увы! — по справедливому замечанию А. И. Солжени-цына для этого был выбран самый чудовищный путь. Тому свидетельством и необузданная «прихватизация», и скандальные истории с «обманутыми вкладчиками», и миллиарды, утекающие в иностранные банки, и рэкет, и заказные убийства, и то обстоятельство, что до сей поры так и не решен самый существенный в этом деле вопрос — о частной собственности на землю.

Отстраненные от власти коммунисты и некоторые их единомышленники теперь стремятся убедить людей, что во всех нынешних бедах и неурядицах виноваты не продажные и некомпетентные чиновники, а самый принцип частной собственности. И, к сожалению, подобные мнения иногда подкрепляются ссылками на Евангелие и на учение Церкви.

Тут следует заметить, что за две тысячи лет нашей истории было предостаточно попыток свести Христианство до уровня социальной доктрины. В Римско-Католической Церкви по сию пору существует «богословие революции», представители которого утверждают, что у Христианства есть прямое родство с социализмом.

Однако же тот, кто из евангельского учения выводит идеи ненависти к богачам, а тем паче призывы к «раскулачиванию», принижает, опошляет христианскую проповедь. (Не забудем, что Сам Господь прямо отказался улаживать имущественные отношения — Лк. 12: 13–15.)

Мне возразят: но ведь Иисус Христос призывал раздавать имение нищим. Да, но Он призывал к этому лишь совершенных. Он так сказал богатому юноше: «если хочешь быть совершенным, пойди, продай твое имение и раздай нищим». (Мф. 19, 21.)

Совершенные ученики были у Господа во все времена начиная с апостольских. История Церкви знает множество имен таких людей, и среди них одним из самых известнейших является Иоанн Златоустый, святой IV века. После смерти своей матери он раздал имение нищим и в течение всей последующей жизни занимался благотворительностью церковной. В его многочисленных проповедях то и дело обличаются богачи — за скупость, за жестокосердие, за любовь к роскоши, за желание любым путем умножать свое имение... При всем том Святитель Иоанн был весьма далек от суждения имущественного неравенства по существу. В одном из своих поучений он называет этот порядок естественным и даже богоустановленным, затем высказывает мысль, которая звучит как некое мрачное предсказание, относящееся к проклятой «советской жизни». «В самом деле, уничтожь бедность, и ты уничтожишь весь порядок жизни и расстроишь жизнь нашу: тогда не будет ни корабельщика, ни кормчего, ни земледельца, ни домостроителя, ни ткача, ни сапожника, ни плотника, ни кузнеца, ни кожевника, ни хлебопекаря, и никого из подобных ремесленников, а без них у нас все расстроится. Теперь бедность служит для них лучшей учительницей, как бы сидя при каждом из них, и даже против воли побуждая их к работе. А если бы все были богаты, то все бы стали жить в праздности, и тогда бы все расстроилось и погибло».

Здесь уместно добавить и вот еще что. Евангелие. Книга, содержащая «глаголы вечной жизни», отличается, в частности, и тем, что в ней по необходимости отражена психология человека, в полной мере известная Творцу и Сердцеведцу Богу. В этом отношении весьма замечательно одно место у Евангелиста Иоанна, где Господь Иисус Христос говорит о Себе как о пастыре добром.

«Я есмь Пастырь добрый; пастырь добрый полагает жизнь свою за овец. А наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка, и оставляет овец и бежит; и волк расхищает овец и разгоняет их. А наемник бежит, потому что наемник, и не радит об овцах». (10: 11–13)

В этих словах, произнесенных две тысячи лет тому назад, исчерпывающе говорится о том, что истинно попечительным может быть только тот, кто чувствует себя хозяином имущества, кому «овцы свои». Наше общество и природа дорого заплатили за то, что на долгие десятилетия главной фигурой стал именно «наемник», не хозяин, а «хозяйственник».

От перемены мест слагаемых сумма — меняется!

Страну то дело охватывает предвыборная лихорадка. Партии, блоки, объединения растут, как грибы после дождя, сливаются, как «струи Арагвы и Куры», размножаются, как амебы, простым делением... Все политики обещают народу избавление от нынешних бед и напастей, а державе — мощь и процветание.

Слова «Россия» и «отечество» повторяются без числа и на разные лады во множестве названий и воззваний.

Когда наблюдаешь за ухищрениями некоторых одиозных политиков, которые спекулируют на чувствах простых людей, так и просится на язык знаменитый афоризм С. Джонсона: «Патриотизм — последнее прибежище негодяя».

Но мое особенное внимание привлекают патриоты подлинные, те, кто с негодованием отвращаются от десятилетий позорного коммунистического рабства и чувствуют себя наследниками подлинной России — страны Православной и монархической. Увы! — когда глядишь в эту сторону, прежде всего в глаза бросается разобщенность, тут нет ни единства, ни согласия. Не в этом ли неумении объединяться кроется одна из существенных причин, по которой патриотические движения не пользуются массовой поддержкой?

Есть и еще одна причина неуспеха нынешних российских патриотов и их пропаганды. Общеизвестно, что следование какой бы то ни было идее требует от человека определенной жертвенности, готовности отказаться от каких-то преимуществ, удобств и благ. Но — увы! — сограждане наши, которых в течение семи десятилетий цинично обманывали и растлевали коммунисты, в массе своей на сознательное самоограничение не способны. У подавляющего большинства бывших советских людей преобладает лишь одно стремление — жить не хуже, чем американцы или немцы, но при этом по привычке не особенно утруждать себя.

И, наконец, третья, на мой взгляд, самая существенная причина, которая мешает успеху нынешних наших патриотов; она коренится в самой их идеологии.

Мы помним, что министр народного просвещения и президент Императорской академии наук Сергей Семенович Уваров в 1833 году сформулировал свою знаменитую триаду — «православие, самодержавие, народность». И это вовсе не было мертвым догматом, именно эти три понятия воодушевляли победоносное российское воинство, в бой шли «за веру, Царя и отечество».

Так вот, беда в том, что нынешние патриоты ставят классическую триаду с ног на голову. Прежде всего проповедуется и культивируется почвенничество — любовь к русскому народу

и его прошлому, затем, как некое историческое дополнение, — монархическая идея, и уж после всего религия, святое Православие, то, что должно быть «во главе угла», «единым на потребу»...

Кто-нибудь может возразить: какая, в сущности, разница? Ведь от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Но в данном случае это математическое правило неприменимо. Евангелие настаивает на четкой иерархии ценностей — превыше всего стремление к Царствию Божьему, а все земные блага (в том числе разумное государственное устройство и достойный уклад жизни) подаются Создателем лишь по мере приближения к религиозно-нравственному идеалу.

Церковь — не наемная дружина

У Федора Михайловича Достоевского в «Дневнике писателя» за 1877 год содержится удивительно пророчество:

«...социализм есть грядущая сила для всей Западной Европы, и если папство когда-нибудь будет покинуто и отброшено правительствами мира сего, то весьма и весьма может случиться, что оно бросится в объятия социализма и соединится с ним воедино. Папа выйдет ко всем пеш и бос и скажет, что все, чему они учат и чего хотят, давно уже есть в Евангелии, что до сих пор лишь время не наступало им про это узнать, а теперь вот наступило, и что он, папа, отдает им Христа и верит в муравейник».

И ведь это написано за 14 лет до энциклики «Рерум новарум», в которой Лев XIII впервые заговорил о трудящихся массах и предложил им католические профсоюзы! А теперь мы то и дело видим, как симпатичный старый поляк, если и не босой, то в скромных светлых одеяниях посещает беднейшие страны мира, падает ниц и целует землю, а чтобы взглянуть на него и принять от него благословение, повсюду собираются тысячи и тысячи «униженных и оскорбленных»...

Но вот чего уж никак не мог предвидеть Достоевский, так это грядущую страшную судьбу Российской Православной Церкви, к которой сам принадлежал. Он никак не мог бы предположить, что «бесы» (так он именовал нигилистов и революционеров) узурпируют власть в обожаемой им России, истребят духовенство и монашество, осквернят и разрушат храмы, а затем на развалинах Церкви учредят трусливую и покорную их воле «Московскую Патриархию».

Большевики при этом преследовали прежде всего цели практические. Им было крайне важно показать всему миру свою «веротерпимость», а также использовать иерархию и духовенство для политических махинаций, как внутри страны, так и, главным образом, вне ее. По этой самой причине Патриархия была принуждена «бороться за мир во всем мире», громогласно осуждать американских «поджигателей войны», «неоколониалистов», «милитаристов», «агрессоров»... А также трубить на весь свет о том, что в униженной и залитой кровью России коммунисты близки к построению того самого мифического «рая на земле», который Достоевский остроумно именовал «муравейником»...

Как известно, большевики в нашей стране ушли в тень, перестали быть «направляющей силой общества». На смену им пришли так называемые «демократы». Московской Патриархии пришлось несколько обновить свой репертуар, но она, как и в прежние годы, подпевает власти имущим:

«Мы считаем, что для ослабления межнациональной, межкультурной, социальной и

гражданской напряженности необходимо, чтобы каждый член общества осознавал свой долг с любовью и уважением относиться к людям иных национальностей, социальных групп, культур, вероисповеданий и политических взглядов, помогать этим людям не меньше, чем сородичам, единоверцам и единомышленникам, не допустить отвержения бедных и немощных, заботиться о справедливом устроении экономического порядка, активно противостоять любым проявлениям вражды и ненависти, разделяющей общество». («Воззвание межконфессиональной конференции „Христианская вера и человеческая надежда“», 1994 г. Москва, Свято-Даниловский монастырь.)

Следует заметить, что подлинному, евангельскому Христианству вовлеченность в политику совершенно чужда. В проповеди Господа Иисуса мы не найдем призывов к «ослаблению межнациональной, межкультурной, социальной и гражданской напряженности» между, например, иудеями и самарянами или даже местным населением и тогдашними «оккупантами» Палестины — римлянами. Господь нисколько не заботился и о «справедливом устроении экономического порядка», Он прямо отказался решать имущественный спор и предостерег от пристрастия к земным благам (Лк. 12: 13). В Евангелии не отыщется и намек на «борьбу за мир», хотя войны «во время оно», разумеется, велись. И все это по той совершенно известной причине, что Господь пришел на землю не ради «переустройства общества», а для «переустройства» душ человеческих, Он так и заявил прокуратору — «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18: 36).

Подлинным христианам во все времена была свойственна лишь одна «борьба» — борьба с грехом, борьба за праведность, за благочестие. И только в зависимости от результатов этих усилий Всемогущий Податель благ ниспосылает людям земное преуспевание и времена мирные: «Нечестивым же нет мира, говорит Господь» (Исайя, 48: 22).

Христианам надлежит призывать людей не к «взаимным уступкам и компромиссам», а к покаянию, к осознанию своих грехов, к вере в Бога и соответствующей этому нравственной жизни. Нам следует бороться не с «социальной и политической напряженностью», а с повсеместным растлением малолетних, с чудовищным потоком порнографии, с распространением абортов...

В богатом наследии, которое оставил замечательный русский поэт и духовный писатель А. С. Хомяков, есть такая работа — «Сущность западного Христианства». Там, между прочим, высказывается суждение, которое необходимо усвоить всем тем, кто причисляет себя к Церкви Христовой:

«Есть какая-то глубокая фальшь в союзе религии с социальными тревожностями; стыдно становится за Церковь, до того низко упавшую, что она уже не совестится рекомендовать себя правительствам или народам, словно наемная дружина, выторговывающая себе за усердную службу денежную плату, покровительство или почет. Что богач требует себе обеспечения для своих устриц и трюфелей, что бедняку хотелось бы вместо черствого хлеба несколько лучшей пищи — все это естественно и даже, может быть, вполне справедливо в обоих случаях, особенно в последнем; но разрешение этого рода задач — дело разума, а не веры. Когда Церковь вмешивается в толки о булках и устрицах и начинает выставлять напоказ большую или меньшую свою способность разрешать этого рода вопросы, думая этим засвидетельствовать присутствие Духа Божьего в своем лоне, она теряет всякое право на доверие людей».

Примечания

Исследователи утверждают, что здесь идет речь об известной картине кисти Пьетро Перуджино (Вануччи), который расписывал Сикстинскую капеллу и был учителем Рафаэля. Вот что сам Пушкин сообщает об этом холсте своей невесте: «Прекрасные дамы просят меня показать Ваш портрет и не могут простить мне, что его у меня нет. Я утешаюсь тем, что часами простаиваю перед белокурой мадонной, похожей на Вас, как две капли воды; я бы купил ее, если бы она не стоила 40000 рублей».